

Театр народной Чехословакии

В ЛИСТОВКЕ, которую можно было получить при входе в маленький зал в день открытия театра «Д-34», выдающийся художник Эмиль Буриан писал: «Мы зовем примкнуть к нашей программе всех тех, кому не по душе ныне господствующий театальный режим и кто хочет очистить театр от смердящих трупов».

Читая эту листовку, друзья молодого театра понимали, что речь здесь идет не только об эстетическом бунте против продажной коммерческой сцены; Э. Буриану и его актерам, так же как и всему чехословацкому народу, был «не по душе» не только «господствующий театальный режим», но и весь режим жизни буржуазной Чехословакии.

Мы увидели в эти дни в Москве ряд «новых редакций» спектаклей «Д-34», созданных еще в первые годы существования театра, и можем судить о силе нанесенных тогда Э. Бурианом и его соратниками ударов, направленных в самую сердцевину ненавистного им мира. — Вы хотите знать, кто ваш герой, кто тот, кого вы называете «великим», кому подражаете, поклоняетесь? — как бы спрашивал театр, обращаясь к развалившимся в креслах буржуа. — Смотрите на нашей сцене «Оперу нищих» Б. Брехта. Вот он — герой этой пьесы Мэчиз, хорошо известный полиции закоренелый гангстер и убийца, в прошлом — сутенер, в настоящем — двоеженец, с виду приличный джентльмен и закадычный друг самого шерифа. Ну вот, теперь вы сами видите, что нет никакой разницы между вами и нашим уважаемым Мекки. Он так же буржуазен и деловит, как и вы, а вы такие же бандиты, как и он, только покрупнее.

«Что значит наша «фомка» по сравнению с их акцией? — жалуются в пьесе по этому поводу сам Мекки. — Что значит ограбление банка по сравнению с основанием банка?». А вот другой «стоппи общества» — «король нищих» Ионафан Иеремия Пичем. Он возглавляет мощный «трест» лондонских нищих и бродяг. Разве это не солидная фирма, разве это, как две капли воды, не похоже на вашу монополию и тресты? И разве яростная борьба «короля нищих» и «короля гангстеров» в пьесе не отображает, как в зеркале, борьбу за рынки и сферы влияния в вашей «прославленной» экономике!

Напрасно так дрожит и трясется в клетке перед казнь ваш «герой» Мекки. Нет! Его не повесят! Он же свой! И вот, пожалуйста, — готово помилование.

Не менее сильный удар театр Буриана наносит другому и тоже крайне опасному «герою» буржуазного мира. На этот раз союзником театра выступает крупнейший чешский писатель Виктор Дык. Перед нами его «крысолов», да, тот самый легендарный крысолов из города Гаммельна, что согласно знаменитой притче вывел, играя на своей дудке, из города крыс, а когда городские власти отказались заплатить ему за работу, завлек своей игрой в реку всех детей города, где они и погибли.

В спектакле, поставленном Э. Бурианом, крысолов (актер В. Брабек) возникает как этакый «сверхчеловек», уверивший себя

в том, что, если ему дана власть над крысами, он может повелевать и людьми. Он чудовищно преступен, этот мстительный, злобный, себялюбивый крысолов, чья игра на дудке, чьи соблазнительные призывы ведут людей в пропасть. Буриан выступил с этим спектаклем в 1939 году, накануне тех трагических дней, когда «миролюбивые» напевы мюнхенской флейты отдали Чехословакию на растерзание Гитлеру.

На одном из спектаклей мы встретились с подлинным героем и любимцем театра. «На свете существуют непризнанные скромные герои, не завоевавшие себе славы Наполеона... В наше время вы можете встретить на пражских улицах бедно одетого человека, который и сам не подозревает, каково его значение в истории новой, великой эпохи. Он скромно идет своей дорогой, ни к кому не пристаёт, но и к нему не пристаёт журналисты с просьбой об интервью. Если бы вы спросили, как его фамилия, он ответил бы просто и скромно: «Швейк».

Так рекомендует своего всемирно известного героя сам Ярослав Гашек и таким скромным, обыкновенным, удивительно подлинным, национальным и народным предстает он перед нами в исполнении талантливой артиста Франтишека Голара.

Встреча со Швейком театра «Д-34» во многом обогатила наше представление об этом «музром дураке», доводящем до абсурда своим «простодушным» послушанием милитаристский лафос австро-венгерской монархии. Мы увидели простого, умного и мужественного человека чехословацкой земли, каждым своим поступком, каждой своей то доброй, то горькой шуткой голосующего против войны.

Подымая столь значительные вопросы современности, Э. Буриан и его актеры, естественно, были с самого начала своей работы озабочены тем, чтобы с максимальной выразительностью донести до зрителя волнующие их проблемы.

Монологи, обращенные в зрительный зал, игра на просцениуме, смелые натуралистические подробности, взятая «крупным планом»

деталь — все годится, все идет в дело, если помогает сказать театру то, что ему в данном случае хочется сказать.

Излюбленная стихия театра Буриана — ярмарочная, карнавальная театральность. Ею он увлекается настолько, что, скажем, пародирует на народный балаганный театр, которая вполне уложилась бы в «короткометражку» одного акта, растягивает на большой трехактный спектакль «На ярмарке», неизбежно повторяясь при этом и проигрывая в театальной легкости избранного им самим жанра.

Наряду с обнаженной театральностью Буриану в равной степени свойственны и лиризм, и глубоко поэтическое видение мира. Достаточно назвать одну только сцену из «Крысолова», в которой опозоренная Агнеса склоняется над трепещущей голубой лентой ткани, протянутой через сцену, и, все больше и больше запутываясь в ней, исчезает из глаз, «утонов» в голубых водах реки. Прекрасный образец театальной поэзии, где условность образа соединена с его вполне реалистической сутью.

Иногда, как мне кажется, талантливый театр в своих поисках идет не вперед, а назад, открывая не столько новое, сколько возвращаясь к старому. Подчас в его работах дают о себе знать следы непреодоленного экспрессионистского театра 20-х годов с его страстью к причудливой и несколько изломанной гротескности, с его пристрастием к символической многозначительности, с его внешними приемами актерского исполнения, с его преувеличенным вниманием к эротической теме.

Мне кажется, что именно это обстоятельство помешало в полную силу прозвучать на сцене брехтовской «Опере нищих», ибо обличение Мекки — буржуа и бизнесмена было во многом подменено в ней (в исполнении артиста О. Броусека) повествованием о любовных приключениях Мекки — Дон-Жуана. Эти же «рецидивы» театра 20-х годов придали некоторую «мистическую» призрачность и статуарность в целом интересно и смело решенной философской пьесе Виктора Дыка «Крысолов».

У театра «Д-34» есть все для того, чтобы двигаться вперед, создавая истинно новаторские спектакли, в которых получили бы полноценное и столь же театральное-но-праздничное сценическое бытие народные образы, рожденные жизнью новой Чехословакии.

В. Комиссаржевский.

НА СНИМКЕ: сцена из спектакля «Швейк» в постановке чехословацкого театра «Д-34».

Фото А. СВЕТЛОВА.